

DOI 10.35775/PSI.2025.70.5.006

УДК 32.327

К.Е. ЧЕПРОВ

аспирант кафедры политологии Востока

факультет глобальных процессов

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

E-mail: k.e.cheprov@yandex.ru

ИСЛАМСКИЙ ТЕРРОРИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ

Введение. Исламский терроризм в последние 40 лет прошел длинный путь трансформации – структурно и содержательно – что сделало его одним из ключевых вызовов глобальной безопасности и стабильности. Его исследованию посвящены работы многих отечественных и зарубежных авторов, среди которых стоит выделить Ю. Антоняна, В. Кудрявцева, г. Романовского, М. Иванова, В. Кувшинова, Б. Хоффмана. Несмотря на то, что для отечественной науки эта тема считается сравнительно новой, тем не менее, существует большой объем проделанной работы по данной проблематике. Угроза террористической деятельности остается непреходящей и распространенной в России, а исламский кластер в ней – доминирующим. Начиная с распада СССР окружающие РФ новые независимые государства, находящиеся в Центральной Азии, столкнулись с проблемой исламского терроризма как ключевой угрозой национальной безопасности, которую не удалось побороть и в современности. Вышеобозначенные обстоятельства обуславливают актуальность настоящей работы.

Цели и задачи исследования. Целью данной работы является рассмотреть специфические черты исламского терроризма на постсоветском пространстве – выявить те уникальные этапы трансформации, которые позволили данной проблеме существовать и сегодня, несмотря на все предпринимаемые усилия на национальном и наднациональном уровнях. Задачами настоящего исследования являются: описать специфические черты исламского терроризма на постсоветском пространстве; раскрыть «догоняющий» характер исламского терроризма на постсоветском пространстве относительно текущих трендов международного терроризма.

Методами исследования являются анализ, синтез, дедуктивный и индуктивный методы, статистический анализ.

Результатами настоящего исследования являются полученные данные о специфическом характере исламского терроризма на постсоветском пространстве.

Выводы. Исламский терроризм на постсоветском пространстве структурно и содержательно движется в рамках трендов международного исламского терроризма, но, в силу своей специфики, носит догоняющий и форсированный характер, что делает его опасным фактором нестабильности в регионе.

Ключевые слова: терроризм, ислам, исламский терроризм, международный терроризм, региональная безопасность, постсоветское пространство, этапы развития.

Исламский терроризм на международной арене. Согласно мнению исследователей, международный терроризм как явление начинают выделять в 1960-х годах XX века [5. С. 56]. Связано это с целым пластом происходивших на тот момент событий – начиная от глобализации, «открывавшей» глобальный мир – и заканчивая Холодной войной, разделившей мир на два лагеря и получившей форму прокси-войн – когда противники боролись друг с другом не напрямую, а посредством своих союзников, зачастую ситуативных, или прямо не ассоциированных с собой групп. Так, премьер-министр Израиля Беньямин Нетаньяху прямо связывал взлет международного терроризма с действиями участников Холодной войны: по его мнению, не имея возможности и желания противостоять напрямую, стороны поддерживали те или иные группировки, многие из которых являлись террористическими, для нанесения ущерба противнику [13. С. 90-100].

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 14; 16; 17].

Однако проблему анализа специфических черт исламского терроризма на постсоветском пространстве нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Многие исследователи обращают внимание на то, что международный терроризм того времени носил характер в большей степени политического, а не религиозного. Взлет религиозно мотивированного терроризма произошел в период между концом 1980-х годов и серединой 1990-х. Так, исследователь проблематики терроризма Брюс Хоффман указывал, что в 1980 году из 64 крупнейших террористических организаций лишь две вели свою деятельность на базе религиозных мировоззрений. Однако, к 1995 году рост был экспоненциальным – из 56 крупнейших групп религиозно мотивированными были 26 [20. P. V]. В обоих случаях религиозные террористические организации были исламскими. Именно в обозначенный промежуток времени появилась, пожалуй, самая известная террористическая организация мира – «Аль-Каида», созданная Усамой бен Ладеном с опорой на базу египетской группировки «Братья-мусульмане». Начиная с 1990-х годов исламский кластер международного терроризма только увеличивался, став безусловным лидером уже в 2000-х годах. На сегодняшний день, согласно данным Global Terrorism Index [19. С. 10], ЦРУ США [18] и исследованиям, например, издания Welt am Sonntag, исламский терроризм является абсолютным лидером среди международной террористической активности.

Таким образом, можно отметить первую трансформацию в среде международного терроризма – переход от политической мотивации к религиозной. Этот этап стал определяющим в вопросе террористической деятельности и более не менялся – религиозный фактор стал ключевым. Все последующие

трансформации были связаны лишь с формой реализации, но никак не с существенным наполнением. Данный переход открыл целую эпоху в истории международного исламского терроризма, определив его характерные черты: высокий уровень организации, централизация, экстерриториальность, профессионализм. «Аль-Каида» в этом отношении стала одним из наиболее успешных проектов, и это неудивительно – по сути она была пионером в этом направлении. Полноценный «приемник», который, во многом, даже превзошел своего предшественника, появился лишь спустя 20 лет – Исламское государство. Стоит, однако, отметить, что оно не было в полной мере чем-то новым – по сути ИГИЛ было организовано на базе разваливавшейся и потерявшей своих лидеров «Аль-Каиды», что, в какой-то степени делает Исламское государство скорее новой формацией уже существовавшей структуры. Тем не менее, это стоит отметить, как очередной этап трансформации международного исламского терроризма – его выход на полноценный глобальный уровень. Если «Аль-Каида» стала пионером масштабирования религиозно мотивированного терроризма и вышла за пределы своего региона, оставаясь, тем не менее, централизованной структурой с преимущественной зоной активности на Ближнем и Среднем Востоке, то Исламское государство в полной мере начало реализовывать свои экспансионистские устремления с помощью цифровизации и глобализации, выйдя на подлинно глобальный уровень и превращая терроризм в подобие франшизы. Сохраняя централизованную структуру на Ближнем Востоке, где удалось сформировать квазигосударство, ИГ смогло действовать в любой точке планеты благодаря возможности оперативного распространения информации, мгновенной цифровой доставки любых материалов и инструкций по всему миру. Теперь вербовка и реализация террористических актов не были результатом работы эмиссаров, прибывающих из-за рубежа, а указания и инструкции – посылкой, которые еще необходимо доставить до той или иной ячейки. Скорость распространения информации превращалась в рекламу, большие объемы мигрантов из мусульманских стран, находящиеся в Европе, России, США и странах Океании – в целевую аудиторию и опору, а цифровые технологии – в дешевый и практичный инструмент взаимодействия с этой аудиторией.

Однако, у вышеобозначенных факторов успеха новой террористической организации была и оборотная сторона – Исламское государство стало фактором, который невозможно игнорировать или отодвигать на второй план в пользу тех или иных международных событий. ИГ стало угрозой международной безопасности, в борьбу с которым включился как Запад, так и Российская Федерация наряду со странами региона Ближнего Востока. Это предопределило судьбу, пожалуй, крупнейшей исламской террористической организации. С ее крахом наступил новый этап трансформации международного исламского терроризма – теперь он уходил от централизации, организованной структуры, четкой иерархии. Он превратился в систему автономных ячеек, лишенных единого или, хотя бы, регионального центра управления. А сами теракты стали более просто организуемыми, в достаточной мере примитивными и, зачастую,

совершаемыми террористами-одиночками. Это самый современный этап международного исламского терроризма, и, в силу своих специфических характеристик, он представляется наиболее опасным, так как его чрезвычайно сложно отследить, предупредить и противостоять.

Данное рассмотрение международного кластера исламского терроризма необходимо для наиболее полного раскрытия специфики исламского терроризма на пространстве бывшего СССР, так как второй движется в русле трендов первого, но начал свое развитие позже и потому носит догоняющий характер. Стоит так же отметить, что все сказанное выше не отменяет того факта, что террористические организации с иерархией и структурой существуют, напротив, они есть, но только там, где это представляется возможным – в регионах, где ослаблена государственная власть, идут гражданские конфликты и так далее. И они уже не представляют собой ничего большего, чем сугубо региональную специфику, не идя ни в какое сравнение с масштабом деятельности организаций периода 2000-х и 2010-х.

Исламский терроризм на постсоветском пространстве. Исламский терроризм на постсоветском пространстве начал свое развитие еще до распада СССР – исследователи отмечают, что первые салафитские проповедники начали появляться в мусульманских регионах Советского Союза еще в 1988 году в самый разгар Перестройки. Их деятельность легла на благодатную почву и салафизм был воспринят, например, на Северном Кавказе. Исследователь терроризма Роберт Уэр отмечал, что этому способствовало множество факторов, но, в первую очередь – вакуум идеологии, когда коммунистическая доктрина рушилась и население столкнулось с потребностью замещения этой мировоззренческой пустоты; а так же привлекательность и «свежесть» салафитских идей в условиях, когда все религиозные институты СССР находились под контролем государства и исчерпали лимит доверия своих адептов [21. С. 92]. Для Центральной Азии это так же было характерно, но добавлялся еще один фактор: общая граница региона с террористически опасным Афганистаном. Распространение салафизма наложилось на общие общественные тренды того периода – рост национального самосознания и запрос на суверенитет. Другими словами, постсоветский исламский терроризм начал с той же стартовой точки, с которой началось развитие международного исламского терроризма – политической мотивации и регионализма на фоне социальноэкономического кризиса и хаоса военных конфликтов. Так, независимость Узбекистана началась с крупного выступления исламских группировок в зоне Ферганской долины, а Таджикистан уже в 1992 году погрузился в пучину гражданской войны, где на передний план конфликта так же вышли исламские террористические группировки. Однако, в обоих случаях цели боевиков ограничивались в первую очередь политическими требованиями (смещение действующей власти) и своим собственным регионом (Таджикистан и Узбекистан).

Аналогичным образом ситуация складывалась и на уже упоминавшемся российском Северном Кавказе. Новообразованное непризнанное государство,

известное как Чеченская республика Ичкерия, на начальном этапе представляло собой националистическую автократию – мало отличавшуюся от соседних Грузии или Азербайджана. Однако, с началом Первой Чеченской войны (1994–1996) обстановка начала радикализироваться – не сумев достичь изначальных целей военным путем, ичкерийские боевики перешли к неконвенциональным методам войны – терроризму. Уже в 1995 году на всю страну прогремел один из самых известных террористических актов – захват больницы в Будённовске, но дальше их было только больше. Стоит отметить, что, вообще, Ичкерия представляется отличным примером того, как постсоветский исламский терроризм трансформировался в русле трендов международного терроризма: более десяти лет ичкерийские исламские террористы, несмотря на серьезные идеологические сдвиги в самой Ичкерии или вообще фактический конец ее существования – двигались в русле, в первую очередь, политической мотивации своих действий.

Это может ввести в заблуждение многих желающих понять постсоветский исламский терроризм как феномен, ведь политическая власть в Грозном после смерти Джохара Дудаева в 1996 году активно эксплуатировала главным образом религиозно мотивированную риторику. Например, приемник Дудаева Зелимхан Яндарбиев одним из первых своих указов ввел в республике шариатское право, скопированное с аналогичного документа Судана буквально дословно [4]. Ичкерийские официальные лица объявляли России джихад, полевой командир Хаттаб и вовсе был фигурой, связывавшей ичкерийский и международный терроризм, а на фоне всего этого Шамиль Басаев все еще совершал теракты, выдвигая политические требования [15]. Это действительно может запутать, ведь, по сути, исламизация ичкерийской Чечни, вторжение боевиков в Дагестан, объявление имарата Кавказ – признаки становления нового этапа исламского терроризма – мотивированного уже не по политическому признаку, а по религиозному. И, фактически, так оно и было, но подобное расхождение одних действий с другими – пример того хаоса, в каком пребывало исламское террористическое движение на Северном Кавказе с конца 1996 года, когда начался межвоенный кризис власти в Чечне. В той обстановке было абсолютно нормальным сосуществование политических требований из уст одних террористов и абсолютно религиозная риторика о джихаде и расширении суверенной исламской власти из уст других. Еще в 1995 в рядах так называемых вооруженных сил Ичкерии были политически мотивированный Шамиль Басаев и чисто исламский террорист с международным опытом Хаттаб. Все последующие события только усиливали этот хаос. Но новым этапом исламского терроризма на постсоветском пространстве было бы правильным считать период с 1997 по 2000 год, когда он в полной мере становится религиозно мотивированным – не только на Северном Кавказе, но и в Центральной Азии. Это период краха политических амбиций боевиков в России, Таджикистане и Узбекистане (потерпев поражение в двух последних республиках, террористы влились в международные террористические группы Ближнего и Среднего Востока).

Стоит отдельно отметить важный аспект. Международному терроризму понадобилось около 25 лет, чтобы тенденции к переходу от политической мотивации к религиозной приняли форму устойчивой и масштабной тенденции, на постсоветском же пространстве для этого понадобилось менее десяти лет. Это действительно серьезная специфическая черта догоняющей модели постсоветского исламского терроризма: он не просто идет тем же путем, что и его «большой брат», он этот путь форсирует. Это в принципе характерная черта развивающихся явлений, наиболее ярко и наглядно проявляющаяся в экономике государств – развивающиеся страны так же форсируют этапы развития, быстрее наращивая темпы, нежели уже развитые. Однако, в данном случае, в контексте исследуемой темы, это носит угрожающий характер. Причина такого форсированного развития постсоветского исламского терроризма не только в разнице контекстов времени – все-таки Ближний Восток 1960-х и постсоветское пространство 1990-2000-х – принципиально разные регионы, имеющие отличную друг от друга специфику. Существенным фактором являются технологические условия: повсеместное распространение телевидения, СМИ, сети Интернет и изменение демографического образа Российской Федерации, все это упрощает террористическую деятельность, ускоряет информационный обмен. Постсоветский терроризм не только лег на благодатную почву, но и получил набор инструментов, которого не было у международного сегмента.

К 2010-м годам исламский терроризм на постсоветском пространстве, ставший полноценно религиозно мотивированным, уже окончательно становится частью международного исламского террористического движения. Он больше не ориентирован на политические результаты и не ограничен какой либо территорией. Это важный аспект в контексте оценки угрозы: политически мотивированный исламский терроризм так или иначе имеет четкие и понятные политические цели, религиозно мотивированный – нет, у такого терроризма цели абстракты и обтекаемы: салафитский взгляд на мир не имеет четкого плана и понятного конечного результата, его сущностное наполнение – джихад, а идея джихада, как верно отметил исследователь ислама Даниэль Пайпс, «беззащитно агрессивна, а ее конечная цель – господство мусульман над всем миром».

Именно в 2010-х годах в Российской Федерации произошли крупные террористические акты, ответственность за которые взяли на себя уже не чеченские боевики, как это было ранее, а Исламское государство. Постсоветский исламский терроризм полноценно влился в терроризм международный, что было лишь вопросом времени. Однако, стоит отметить и еще одну характерную особенность – централизации и выстраивания крупных группировок на постсоветском пространстве не произошло. Причина очевидна – к 2010-м годам постсоветское пространство уже прошло путь стабилизации: Россия взяла под контроль Северный Кавказ, а в Центральной Азии прочно укрепились авторитарные режимы, которые, столкнувшись в начале 1990-х годов с угрозой исламского терроризма своей власти, стали едва ли не более непримиримыми противниками данной угрозы, нежели Российская Федерация. На постсоветском пространстве

банально нет территории, где боевики могли бы прочно закрепиться и разрастись, напротив – их единственная возможность – это тактика мелких ячеек, разбросанных по разным регионам, или расположение на территории меньшего правового контроля, например, Афганистан. Можно ли на этом основании делать вывод о том, что исламский терроризм на постсоветском пространстве как угроза региональной или национальной безопасности ушел на второй план в сравнении с какими либо иными вопросами? Такой вывод был бы ошибочным, так как разгром Исламского государства и невозможность аккумуляции крупных сил привели к новому этапу трансформации международного исламского терроризма – автономному.

Данный этап, сформировавшийся к 2018-2020 годам, представляется наиболее опасным и характеризуется, во-первых, глобализованным характером, то есть источником и вдохновителем может служить какая угодно организация из любой точки планеты, а во вторых, отсутствием какой либо четкой структуры и, даже, ячейки. Террористическая группа, численностью от 2 до 5 человек может формироваться стихийно в благоприятной среде, например, мигрантов из мусульманских стран. Более того – зачастую не требуется даже целенаправленное влияние: будущие террористы могут самостоятельно искать информацию и приходиться к идее террористической деятельности. В отличие от организованной террористической деятельности, такой терроризм трудно прогнозируем, сложно раскрываем, практически не отслеживаем. Это приводит к внезапным ударам террористов одиночек, какие мы можем видеть в Европе и Северной Америке: в качестве орудия преступления используется то, что имеется под рукой – автомобиль для наезда на толпу, нож для нападения на улице, огнестрельное оружие для массового расстрела. Такая схема действий – дезорганизованная и подручными средствами – не дает органам правопорядка шанс предупредить теракт даже на этапе подготовки: в отличие от компонентов взрывного устройства или нелегального оружия, в таких атаках используются абсолютно бытовые и обычные инструменты. Такова сегодня ситуация в Европе и Северной Америке.

Но, возвращаясь к изначальному вопросу – можно ли считать, что невозможность формирования крупных движений на территории постсоветского пространства делает проблему терроризма во многом исчерпанной – ответ будет неизменен: нет. Специфическая черта постсоветского исламского терроризма в его догоняющем характере, поэтому стоит ожидать, что автономный стиль террористической деятельности для пространства бывшего СССР лишь впереди. Текущий период относительного спокойствия – лишь временный период охлаждения и переосмысления перед новым этапом трансформации. Последний крупный теракт в Крокус-Сити Холле в Москве – лишнее тому подтверждение: по своей сути он был смешанным – все еще организованным террористической группировкой, но уже в достаточной степени автономно из подручных людей и средств, без лишних, усложняющих процесс, элементов.

Подводя итоги проведенного исследования, стоит обозначить несколько выводов. Во-первых, исламский терроризм на постсоветском пространстве носит очевидно догоняющий характер, что позволяет в какой то мере прогнозировать его дальнейшее развитие, инструменты реализации и логику действий. Во-вторых, он уже является частью международного исламского терроризма, и данный процесс необратим. Политическая мотивация исламских террористов в большинстве случаев переходит в религиозную – это очевидный тренд, но практически никогда это не работает в обратном направлении. Поэтому стоит внимательно следить за практикой исламского терроризма за рубежом как прообразом того, что с большой долей вероятности появится на постсоветском пространстве. В-третьих, на текущем этапе международного исламского терроризма его ключевой опорой становятся мигранты из мусульманских стран, не имеющие какого либо террористического или криминального прошлого, то есть трудно выявляемые для предупреждения криминальных событий лица. А Российская Федерация находится на третьем месте в мире по числу мигрантов, численность которых внутри страны превышает 10 млн человек только по официальным данным, что в перспективе может представлять серьезную опасность внутренней безопасности.

Перспективы исламского терроризма в Центральной Азии тоже представляются благоприятными. Как уже отмечалось ранее, регион практически полностью находится во власти авторитарных режимов, но такие политические вертикали крайне нестабильны и в большинстве случаев заканчиваются крахом. А крах авторитарии означает и крах всей архитектуры власти, выстраивавшейся десятилетиями. В условиях подобной нестабильности Таджикистан и Узбекистан рискуют стать крупнейшим плацдармом аккумуляции террористического движения, конечной точкой устремлений которого станет Россия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абдурагимов З.Е.** Мягкие политические технологии профилактики терроризма // Вопросы политологии. 2024. № 9.
2. **Акопян Г.А.** Современный терроризм: ключевые особенности развития и проблемы его искоренения // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 4.
3. **Араев С.И., Титов М.К.** Украинский неонацизм как инструмент политических элит стран Запада в борьбе с Россией // Вопросы политологии. 2024. № 5.
4. **Беккин Р., Бобровников В.** Северный Кавказ – не царство благородных разбойников // Татарский мир. 2003. № 19 (29).
5. **Возжеников А.В.** Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. М.: Российская академия государственной службы при Президенте России, 2005.

6. **Дзахова Л.Х., Кадзова Н.** Трансформация угроз национальной безопасности в условиях усиления деструктивных сообществ в российском сегменте сети Интернет // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 1.
7. **Залысин И.Ю., Старцева С.Г.** Современный терроризм: специфика, динамика, тенденции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 5.
8. **Комерцов В.В., Харламова С.В., Григорян Д.К.** К вопросу о киберпреступлениях в онлайн пространстве // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 1.
9. **Кузина С.И., Сагирян И.Г.** Социально-политические детерминанты формирования личности террориста // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 9.
10. **Медведев Н.П.** Национализм и этнополитический экстремизм // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 1.
11. **Мелконянц Г.А.** Терроризм как угроза безопасности в условиях актуальной стадии глобализации // Вопросы политологии. 2024. № 10.
12. **Морозов И.Л.** Терроризм и иные формы негосударственного политически мотивированного насилия – проблема демаркации по тактическим и идеологическим компонентам // Вопросы политологии. 2024. № 8.
13. **Нетаньяху Б.** Война с терроризмом: как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма. Альпина Паблишер, 2002.
14. **Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.** Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. № 1.
15. **Трошев Г.Н.** Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вагриус, сентябрь 2001.
16. **Хабибуллин Р.И.** К вопросу о выработке универсального определения международного терроризма // Вопросы политологии. 2025. № 3.
17. **Хугаева А.А.** Социальные детерминанты мотивации терроризма // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 11.
18. CIA World Factbook / References – Terrorist Organizations // <https://web.archive.org/web/20240127103841/https://www.cia.gov/the-world-factbook/references/terrorist-organizations/>.
19. Global Terrorism Index Report 2015. Institute for Economics and Peace. November 2015.
20. **Hoffman Bruce.** Two: Terrorism Trends and Prospects. Countering the New Terrorism (PDF). Rand Corporation. 1999.
21. **Ware Robert Bruce.** Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus. NY: Routledge, 2010.

К.Е. CHEPROV

Postgraduate student, Department
of Political Science of the East, Faculty of Global Processes
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

**ISLAMIC TERRORISM IN THE POST-SOVIET SPACE:
MAIN STAGES OF EVOLUTION**

Introduction. *Islamic terrorism has undergone a long transformation in the last 40 years, both structurally and substantively, making it one of the key challenges to global security and stability. Its study is the subject of works by many domestic and foreign authors, among whom it is worth highlighting Yu. Antonyan, V. Kudryavtsev, G. Romanovsky, M. Ivanov, V. Kuvshinov, B. Hoffman. Despite the fact that this topic is considered relatively new for domestic science, there is nevertheless a large volume of work done on this issue. The threat of terrorist activity remains enduring and widespread in Russia, and the Islamic cluster in it is dominant. Since the collapse of the USSR, the newly independent states surrounding the Russian Federation, located in Central Asia, have faced the problem of Islamic terrorism as a key threat to national security, which has not been overcome in modern times. The above circumstances determine the relevance of this work.*

Research goals and objectives. *The purpose of this work is to consider the specific features of Islamic terrorism in the post-Soviet space – to identify those unique stages of transformation that allowed this problem to exist today, despite all the efforts undertaken at the national and supranational levels. The objectives of this study are: to describe the specific features of Islamic terrorism in the post-Soviet space; to reveal the «catch-up» nature of Islamic terrorism in the post-Soviet space in relation to current trends in international terrorism.*

The research methods are analysis, synthesis, deductive and inductive methods, statistical analysis.

The results of this study are the data obtained on the specific nature of Islamic terrorism in the post-Soviet space.

Conclusions. *Islamic terrorism in the post-Soviet space structurally and substantively moves within the framework of trends in international Islamic terrorism, but, due to its specificity, is of a catch-up and forced nature, which makes it a dangerous factor of instability in the region.*

Key words: terrorism, Islam, Islamic terrorism, international terrorism, regional security, post-Soviet space, development stages.